

§ 3 ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Рёрихт А.А.

ПРИМЕРЫ НЕСТАНДАРТНОГО ОБРАЩЕНИЯ ПАЦИЕНТА СО СВОИМ ТЕЛОМ И ВОЗМОЖНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ НА ТАКИЕ ДЕЙСТВИЯ

Аннотация: В статье на сравнительно-правовом материале рассматриваются проблемы юридической ответственности и возможности применения иных мер воздействия на случай нестандартного обращения пациентов, в том числе спортсменов, со своим телом, оказания на них давления со стороны родителей в отношении детей – при принятии решения о производстве операции обрезания, переливания крови, в отношении спортсменов – при использовании ими допинга. Характеризуются законодательство, позиции доктрины и судебная практика Германии, Польши и других стран. Обосновывается необходимость дальнейшей юридикации медицинского права и развития спортивного права; приводятся примеры конфликтных ситуаций и правовых решений, а также рассматриваются наиболее острые политико-правовые факторы, влияющие на криминализацию или декриминализацию медицинского вмешательства в телесную неприкосновенность, в право граждан на самоопределение и т.п. под влиянием религиозных, этических и иных соображений. Сопоставляются запреты и санкции за их нарушение, анализируются признанные международным сообществом требования и рекомендации, а также возможности использования зарубежного опыта для решения аналогичных проблем в России.

Ключевые слова: Допинг, закон, здоровье, медицина, обрезание, пациент, право, трансфузия, телесная неприкосновенность, спортсмен.

Abstract: Based on the comparative legal material this article examines the issues of legal obligation and possibility of application of other measures of influence in cases of patient's (including athletes) abnormal treatment of their body, influences by parents in cases involving children – in making a decision on circumcision, blood transfusion; in cases involving athletes – in usage of doping. This work characterizes the legislation, doctrinal positions and legal precedent of Germany, Poland, and other countries. The author substantiates the need for further juridization of medical law and advancement of athletic law; offers examples of conflict situations and legal solutions, as well as examines the most pressing political legal factors that affect the criminalization or decriminalization of medical intervention into the physical integrity, citizens' right to personal decision as a result of religious, ethnic, or other beliefs. A comparison is made of the bans and sanction for violations thereof; analysis is conducted on the requirements and recommendations recognized by the international community, as well as the possibility of using foreign experience in order to address similar issues in Russia.

Keywords: Doping, Law, Health, Medicine, Circumcision, Patient, Right, Transfusion, Physical integrity, Athlete.

Для начала приходится оговорить, что выражение «нестандартное обращение со своим телом» не употребляется нами буквально, хотя бы по той простой причине, что, учитывая количество разнообразных представлений в современном мире, понять, что вообще еще есть норма, почти не реально. Поэтому под «нестандартным» здесь понимается что-то, не являющееся нормой для каждого среднестатистического российского читателя и вызывающее какие-либо более или менее масштабные споры в РФ или за рубежом.

В данной статье рассматриваются три примера (или, возможно более точно, – три типичных ситуации) нестандартного обращения со своим телом.

Первый пример – это процедура обрезания, оцениваемая одними как полезная и необходимая, другими – как вредная и подлежащая криминализации. Данный пример должен иллюстрировать, что есть вещи – предметы регулирования медицинского права, в силу природы которых невозможно найти устраивающий всех правовой или фактический компромисс. Они всегда будут спорными и оспори-

ми. В таких случаях надлежит только максимально удобно для общества «обыграть форму» и попытаться юридическими средствами предотвратить устрашающие одну часть общества негативные последствия, а политическими средствами убедить вторую часть общества смириться с первой. Это частый случай в медицинском праве, крайне эмоционально накаленной правовой материи, где сталкиваются взгляды и религиозного и философского характера.

Второй рассматриваемый пример охватывает заведомо абсурдные действия, очевидно для человека причиняющие вред его здоровью и порождающие опасность для жизни, влекущие зачастую даже смерть, но мотивированные религиозно, то есть с материалистской точки зрения, которой мы обязаны придерживаться при юридической работе, иррационально. Отказ Свидетелей Иеговы от переливания крови, даже если это влечет их смерть, иррационален, вызывает ощущение глубокой грусти из-за многочисленных жертв и желание как-то противостоять этому абсурду, но, принимая принцип самоопределения пациента как одного из основополагающих в медицине, средствами медицинского права ничего сделать нельзя, если отказ поступает от совершеннолетнего вменяемого лица. Этот пример иллюстрирует, во-первых, ограниченные возможности медицинского права и права в целом, и, во-вторых, тот факт, что у любого самого замечательного и всеми давно восхваляемого юридического средства также имеется и обратная сторона, способная обернуться против нас, наших отдельных представлений о том, что есть гуманно и рационально.

Третий пример: когда заведомо вредные для здоровья и опасные для жизни действия – использование допинга – имеют абсолютно рациональную и для всех понятную причину – повышение определенных способностей для достижения каких-либо результатов, зачастую связанных с материальной выгодой. Чем рациональнее причина нанесения вреда, тем легче ситуация поддается юридизации¹. По проблеме допинга можно прочесть о существенно большем количестве применяемых юридических средств, чем при регулировании разнообразных религиозно мотивированных действий. Речь пойдет в том числе и об уголовной ответственности, и о специальном процессе. Этот пример должен проиллюстрировать возможности права, хотя по своей эффективности тоже далекие от совершенства, добиваться определенных результатов.

¹ См.: Рёрихт А.А. Юридизация медицинского права. Автореф. Канд. дисс. М.: ИПП РАН, 2009; Она же. Теоретические проблемы медицинского права. М.: ИНИОН РАН, 2011.

Итак, для первой из обозначенных ситуаций по данной теме яркой иллюстрацией могут служить уголовно-правовые дебаты об обрезании младенцев мужского пола из религиозных, профилактических или эстетических соображений. Например, в Германии эта тема породила в 2012 году в рамках уголовно-правовой науки ожесточенную дискуссию и достаточно долгое время доминировала на политической арене и в медиальном эфире.

Вообще-то в Германии на протяжении уже многих поколений довольно распространена практика обрезания младенцев мужского пола. Причины различны: религиозные убеждения, представления о том, что гигиенично, красиво или удобно для будущего ребенка. Процедура проводится врачами, обычно под легким наркозом и, как правило, не вызывает у младенцев ни восторга, ни длительных болевых ощущений. Еще несколько лет назад эта практика была настолько обычной, не только для мусульман и евреев, но и для немцев, американцев и др., что почти не обсуждалась. Но юристов в Германии очень много, а рабочих мест и тем для обсуждения очень мало, и эти дебаты возникли.

Коротко попытаемся изложить содержание основных работ и, соответственно, приводимые аргументы по данной теме.

Так, Томас Экснер написал и ухитрился защитить в 2011 г. в Берлине диссертацию по этому поводу, объемом в 214 страниц².

В первой части своей работы он, как принято и культивируется в Германии, долго пересказывает уже сказанное до него с целью установить, что все это очень разумно, но вот чуть-чуть прежние авторы не доглядели и забыли про теорию социальной адекватности, которую он собирается применить, дабы осветить проблему по-новому.

Во второй части он опять повторяет написанную в каждом комментарии в течение последних двухсот лет банальность, что любое хирургическое вмешательство, с точки зрения немецкого уголовного права, вначале всегда образует состав нанесения телесных повреждений (исключающие вину обстоятельства устанавливаются потом). Соответственно, и обрезание тоже представляет собой нанесение телесных повреждений³.

В третьей части Т. Экснер анализирует возможность родителей дать исключительное наказание

² Томас Экснер, «Социальная адекватность. Про обрезание мальчиков», 2011 Издательство Дункер и Гумбольдт, Берлин 214 с. (Thomas Exner, “Sozialadaequanz in Strafrecht. Zur Knabenbeschneidung”, 2011, Verlag Duncker und Humboldt, Berlin, 214 S.)

³ См. там же. С. 34-35.

врача согласие за младенца, но отвергает данную возможность, считая, что даже право на религиозную свободу его не дает. Эту позицию высказывают на протяжении многих лет почти все юристы, и диссертант ничего нового не устанавливает. Его, так сказать, «новая» идея содержится в четвертой части работы, где он пытается оправдать обрезание как действие социально адекватное⁴. То есть принятое в обществе, особому обсуждению не подвергавшееся и исторически устоявшееся, а поэтому не наказуемое. Теорию социальной адекватности и, как следствие, ненаказуемости поведения очень задолго до Т. Экснера сформулировал немецкий правовед Вельцель, но она, хоть и изучается студентами, на практике, требующей более конкретных критериев, не прижилась. Т. Экснер подчеркивает, что социальная адекватность поведения устанавливается эмпирически, а пока свидетельств протеста против данного вида поведения нет. И, соответственно, с точки зрения уголовного права и закона обрезание не есть релевантный вид поведения.

Несмотря на правильность результата, к которому приходит Т. Экснер, диссертация кажется слабой и аргументация вязкой.

Не вызывает восторга, хотя и по иным причинам, данная работа и у профессора Хольма Путцке из Пассау, который обсуждает ее в своей многословной рецензии в главном журнале по медицинскому праву⁵. Х. Путцке недоволен, прежде всего, результатом исследования, считая обрезание преступлением, подлежащим уголовному преследованию, а побуждения родителей, кроме установленных медицинских причин, неважными. Он критикует саму теорию социальной адекватности поведения, справедливо считая ее расплывчатой и способной доказывать противоположные вещи одновременно. Он также, непонятно, однако, почему (видимо, принимая свое собственное мнение за общественное) считает, что обрезание не является принятой и обычной практикой, а большая часть населения давно против этого. Цифр или данных Х. Путцке не приводит. Он справедливо обращает внимание на то, что Экснер не анализирует Конвенцию о правах детей, но и сам не говорит, вытекает ли из данной Конвенции ответ на какой-либо из поставленных вопросов. В конце своей рецензии он пишет, что тезис Экснера о соци-

альной адекватности обрезания – домysel, одетый в словесные одежды – не оптимальная оценка для диссертанта. Что, правда, может не удивлять, так как диссертация противоречит тезисам, высказанным еще в 2008 г. данным профессором в этом же журнале в рамках статьи «Правовые границы обрезания несовершеннолетних: вопросы о наказуемости хирурга по параграфу 223 УК ФРГ»⁶. Там он пытается доказать, что обрезание подлежит уголовному преследованию как нанесение телесных повреждений, родительское согласие без строгой медицинской необходимости не играет роли, а хирургов можно привлекать к ответственности, по крайней мере, если они знают о том, что это является нанесением телесных повреждений. Но поскольку большинство родителей этого пока не знает, в прошлом виновных Х. Путцке предлагает не искать, а сосредоточиться на будущем, в котором по прочтении его статьи эта мысль распространится, и хирургам станет ясна виновность их поведения, а тогда за обрезание можно будет привлекать к уголовной ответственности⁷.

Хотя бы немного отличающимся образом данную тему освещает и Рольф Дитрих Херцберг, который в своей статье «Противостоит ли библейскому указу обрезания правовой запрет?» критикует и анализирует с правовых позиций статью Даниэля Нойманна, вышедшую в Общей Еврейской Газете 24 ноября 2011 г.⁸ Для начала он четко проясняет свою позицию противника обрезания, отвергая, не объясняя впрочем, свою позицию, два аргумента его сторонников о том, что, во-первых, эта процедура для мужчин не связана с какими-либо ограничениями (в отличие от обрезания женщин), а, во-вторых, она приносит даже некоторую пользу. Далее он критикует Д. Нойманна за то, что тот всех противников обрезания подозревает в желании данное действие криминализировать, а их высказывания объявляет антисемитскими. Потом он и сам постепенно и не всегда последовательно переходит к делу, объявляя себя еще раз противником обрезания, т.к. оно яв-

⁴ там же с. 58

⁵ Хольм Путцке «Социальная адекватность. Про обрезание мальчиков» в журнале «Медицинское право», номер 3, 2012 с. 229-230, Издательство Шпрингер-Берлин (Holm Putzke, «Sozialadaequanz im Strafrecht. Zur Knabenbeschneidung». In *Medizinrecht*, 2012 Heft 3 S.229-230, Springer-Verlag-Berlin)

⁶ Хольм Путцке «правовые границы обрезания малолетних. К вопросу о наказуемости оперирующего» в журнале «Медицинское право», номер 5, 2008 с. 268-272, Издательство Шпрингер-Берлин

(Holm Putzke, «Rechtliche Grenzen der Zirkumision bei Minderjaehrigen. Zur Frage der Strafbarkeit des Operateurs nach 223 StGB», in *Medizinrecht*, 2008-5, S. 268-272, Springer-Verlag-Berlin)

⁷ См.: Там же. С. 272.

⁸ Рольф Дитрих Херцберг, «Противостоит ли библейскому указу об обрезании правовой запрет?» в журнале «Медицинское право», номер 3, 2012 с. 169-175, Издательство Шпрингер-Берлин (Rolf Dietrich Herzberg «Steht dem biblischen Gebot der Beschneidung ein rechtliches Verbot entgegen?» in *Medizinrecht*, 2012–3, S. 169-175, Springer-Verlag – Berlin)

ляется, прежде всего, неоправданным нанесением телесных повреждений, за исключением случаев медицинской индикации. Вскоре он отвлекается на критику работы Т. Экснера, так же как и Х. Путцке, подчеркивая противоречивость и нескладность аргументации о противоречии обрезания праву, но его социальной адекватности. Он даже не стесняется при этом цитировать Шопенгауэра насчет того, что намерение – главный враг понимания... Ставя имя Экснера рядом с цитатой Шопенгауэра, Р.Д. Херцберг подчеркивает, что Томас Экснер обманывает сам себя. После этой длительной и цветущей словосочетаниями критики, он делает попытку относительно самостоятельного анализа роли согласия родителей на обрезание ребенка. Она не удается, позицию Д. Нойманна, состоящую в том, что родительское согласие есть выражение права на воспитание, гарантированное Конституцией, Р.Д. Херцберг пытается опровергнуть тезисом о том, что мера воспитания должна быть ребенку на благо, а данная процедура ребенку вредит. Несостоятельность данного аргумента, по нашему мнению, и заключается в том, что именно с этим не согласны сторонники обрезания, считающие, что это ребенку весьма на пользу.

Далее, Р.Д. Херцберг приводит несколько абсурдных примеров о враче, который только для тренировки отрезал бы что-нибудь ребенку..., о родителях, которые раздаривают деньги ребенку..., о родителях, которые раздаривают деньги ребенку. Все это к дискуссии не имеет ни малейшего отношения.

Потом Р.Д. Херцберг обращается к аргументу о свободе вероисповедания и ее реализации, гарантированной немецкой Конституцией. Он констатирует ее, тут же (в данном случае справедливо) указывая на имманентные ей ограничения правопорядком: недопущение ритуальных убийств, приношений в жертву людей и т. п. В любом случае, он рассматривает нежелание ребенка подвергаться данной процедуре как исключающий согласие элемент, что правильно. Но как его установить в случаях, когда, как еврейским младенцам, 8 дней? Исходить из нежелания также невозможно, как и из желания. Он также упоминает право ребенка на сексуальную жизнь без ограничений, и опять встает вопрос о том, что же интерпретировать как ограничение: наличие определенных частей тела или их отсутствие? Тут мнения сильно расходятся.

После этого в своей статье автор пытается объяснить евреям, как им стоит понимать сказанные в Библии слова об обрезании и как модернизировать системы своих взглядов на это.

Попытки объяснить евреям, как и что лучше понимать, уже предпринимались в истории, в Германии не в последнюю очередь, и редко кончались чем-то

достойным подражания, но Р.Д. Херцберг, видимо, предпочитает этого не помнить.

В заключение статьи он предлагает сторонникам обрезания создать инициативу, сформировать рабочую группу и выдвинуть законопроект в защиту данной процедуры и – если он не пройдет – отменить этот ритуал.

Единственное разумное соображение Р.Д. Херцберг высказывает, выдвигая требования о надлежащей квалификации врача, проводящего операцию, и о необходимости согласия ребенка, если он находится в возрасте, когда он способен его высказать.

Эти некачественные юридические исследования вызвали большой резонанс у изголодавшихся по новым темам немецких журналистов и правоведов. Что неудивительно, так как были затронуты права сильной в Германии еврейской общины и мусульманской общины, с которой большинство тоже на всякий случай предпочитает не связываться, ну и наконец родителей, многие из которых не хотели терпеть очередное ограничение своих прав.

Но кульминации конфликт достиг, когда в Кельне в районный суд попало дело врача-мусульманина, проводившего операцию обрезания без медицинской индикации, и которого прокуратура обвиняла в нанесении телесных повреждений⁹. Суд согласился с доводами прокуратуры и квалифицировал действия врача как телесные повреждения, но увидел оправдывающий фактор в согласии самих родителей. Суд постановил, что обрезание есть выражение культурной и религиозной традиции и предотвращает стигматизацию ребенка. Кроме того, суд справедливо отметил, что, в особенности в англо-американском пространстве обрезание зачастую рассматривается как гигиеническая мера. Врача оправдали. Прокуратура обжаловала оправдательный приговор в земельный Суд, но безуспешно¹⁰. Суд, однако, изменил мотивировку оправдательного приговора. Он также установил наличие состава телесных повреждений и, вслед за обвинением, отсутствие оправдывающих факторов, так как согласие религиозных родителей не может заменить согласие самих мальчиков, которые сами его высказать тоже не могут в силу малолетнего возраста. Права религиозного характера, по мнению Земельного Суда, должны отойти на задний план по сравнению с правом ребенка на телесную неприкосновенность. Суд оправдал врача, так как он не мог

⁹ Решение земельного Суда г. Кельн от 21.09.2011 (Az. 528 Ds. 30/11).

¹⁰ Решение земельного Суда г. Кельн от 07.05.2012 (Az. 151 Ns. 169/11)

знать о том, что проведение обрезания незаконно и, соответственно, ошибался по поводу квалификации своих действий как релевантных с точки зрения уголовного права. В немецком уголовном праве в случае наличия такой ошибки проверяется, можно ли было эту ошибку предотвратить. Суд пришел к выводу, что врач не мог этого делать, так как до этого обрезание считалось нормальной процедурой, которую никто никогда не запрещал. Соответственно, привлекать врача к уголовной ответственности не стали.

Но, несмотря на оправдательный приговор врачу, обрезанию как традиции данным решением был установлен «приговор смертный», так как с этой минуты ни один врач уже не мог сослаться на свое незнание запрета на проведение данной операции.

После объявления данного решения дебаты о допустимости обрезания приняли серьезный размах. Долгое время эта была главная тема как в газетах, так и на телеканалах. Многие клиники и детские хирургические практики отказались от проведения данной процедуры. Большинство журналистов высказывались в поддержку вынесенного решения, которое, на первый взгляд не очень умного человека, ставит права ребенка превыше всего.

Проблема, однако, в том, что вряд ли какое-либо решение любого государственного суда может привести к тому, что мусульмане и евреи откажутся от проведения обрезания, которое носит идентификационный характер. Необрезанному мужчине запрещен допуск к религиозным обрядам и святыням, то есть отсутствие обрезания закономерно безусловно приводит к исключению из соответствующей общины и сообщества. Поэтому велика опасность того, что операции будут продолжаться, но уже не на хирургических столах, а в подвалах, подсобках и в других местах, для этого непригодных. От этого явно не выиграют дети, здоровье которых подвергнется таким образом существенным рискам некачественных операций, проведенных необученными хирургии людьми. Кроме того, в случае осложнений родители могут, побоявшись уголовного преследования, не отвезти ребенка в клинику, что может привести в том числе и к смерти, например, в случае заражения крови.

Перевод операций из легальных в нелегальные всегда крайне опасен и при этом никогда не уменьшает их количества. Это было уже многократно доказано практикой, которая возникала при введении запрета, например, на аборт. Так что согласиться с тем, что это решение улучшает статус прав ребенка, просто невозможно. Эта мысль, возникшая, видимо, из-за благополучности жизни в стране со стабильным правовым порядком, ускользнула и от журналистов, и от

немецких юристов. Общественные дебаты сводились к обсуждению того, что превалирует: религиозные права родителей или права детей на самоопределение и телесную неприкосновенность.

Высокое значение обрезания для евреев и мусульман тоже было пропущено большинством работников пера. Однако некоторые все-таки предупреждали общественность о возможных последствиях в виде религиозных конфликтов¹¹.

Естественно, не заставила себя ждать и реакция Центрального Совета Евреев и Центрального Совета Мусульман¹².

Мнения Центрального Совета Евреев бояться в Германии, а по этому вопросу оно было, естественно, категоричным: «дискуссий по данному поводу быть не может».

Несмотря на это, мнение свое Центральный Совет Евреев тщательно аргументировал и с религиозной точки зрения, и с фактической, и с юридической. С фактической точки зрения было указано, в том числе и на то, что риск заразиться половыми заболеваниями, включая СПИД, у обрезанный мужчин на 60-70 % меньше (данные ВОЗ), а также на то, что даже в фашистских лагерях эта операция проводилась, и узники концлагерей многократно рисковали жизнью ради этого. С юридической точки зрения лучше всего подвел итог данным дебатам правовед из города Тюбинген профессор Эдуард Шрамм: «запрет обрезания несовершеннолетних для родителей еврейской или мусульманской веры фактически означает: ваш ребенок не может быть евреем или мусульманином пока не станет совершеннолетним». Естественно, это абсурдно.

После очень ясных и категоричных высказываний Центрального Совета Евреев немецкое правительство внесло законопроект¹³ о введении в ГК ФРГ параграфа 1631d, который предусматривает проведение обрезания с согласия родителей и квалифицированным персоналом с соблюдением всех правил медицинской науки, включая необходимость должного обезболивания. При соблюдении двух данных условий уголовная ответственность исключена. Если ребенок еще не достиг шестимесячного возраста, обрезание может проводиться и в синагоге специально обученным ре-

¹¹ *Матиас Дробински*, Южногерманская газета, 26.06.2012 «Если судьи становятся третейскими судьями религии». (Matthias Drobinski, SZ 26.06.2012 “Wenn die Richter zu Schiedsrichtern der Religion werden”)

¹² www.zentralratjuden.de/de/article/3731/html; www.zentralrat.de/29584.php

¹³ www.bmj.de/shareddocs/Pressemitteilungen/DE/2012/20121010_Beschneidung_bleibt_kuenftig_moeglich.html?nn=1468940

лигиозным деятелем, что принципиально для евреев с точки зрения религиозной традиции. Естественно, процедуре и даче согласия родителями должно предшествовать подробное разъяснение. Однако же и данный законопроект вызвал неоднозначную реакцию общественности и соответственно прессы¹⁴. Тем не менее, большинством голосов депутатов Бундестага закон 12 декабря 2012 г. был принят. Он был поддержан ведущими политиками ФРГ, но отвергнут многими журналистами. Так, одна из влиятельнейших газет Германии «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» пишет, что права отдельного ребенка были вынужденно принесены в жертву немецко-еврейскому симбиозу¹⁵. При прочтении данной статьи мне все время казалось, что следующее предложение будет о еврейском заговоре, но нет – автор все-таки еврейско-немецким симбиозом (очень интересно, что это?) ограничился. О том, что дискуссия отдавала нередкими в Германии антисемитскими и антимусульманскими настроениями, говорила также и министр юстиции Сабине Лойтхойзер-Шнарренбергер, при этом скороговоркой указывая на то, что в парламенте дебаты проходили на базе взаимного уважения и осознания значения вопроса¹⁶. Хотя, как уже отмечалось, 14 декабря 2012 г. данный Закон был одобрен Бундестагом, пресса предсказывает иск противников Закона в Конституционный Суд ФРГ, так что развитие событий еще возможно в любом направлении.

Правительство, когда готовило проект, обработало большой объем сравнительно-правового материала¹⁷, который будет очень кратко пересказан ниже.

Так, данная проблема также урегулирована на законодательном уровне в Швеции, где уже в 2001 году вышел соответствующий закон. Предпосылками легального обрезания в Швеции являются согласие мальчика, если возможно его выяснить, надлежащее обезболивание, проведение операции специалистом, а если ребенок старше 2 месяцев – то врачом. В Швеции допущены к проведению обрезаний пять специалистов, не являющихся врачами. В Соединенных Штатах Америки во всех штатах в разной форме разрешено обрезание: например, в

Дэлауэр, обрезатель должен получить легализующий его деятельность документ у врача, а в Иллинойсе и Айдахо запрещены разного рода покалечивания, но при этом четко прописано, что обрезание сюда не относится. В Южной Африке существует запрет на обрезание до 16 лет; исключения составляют обрезания по религиозным соображениям, но и здесь ребенок может отказаться от проведения операции. Во Франции, Италии и Финляндии данной проблемой были заняты Верховные Суды. Все по тем или иным причинам пришли к выводу, что это допустимая мера. В Дании также разрешено обрезание, если его проводит врач с согласия родителей или с 15 лет самого ребенка при даче разъяснения и соответствии всем гигиеническим требованиям. В Швейцарии запрещено обрезание женщин и намеренно, как следует из материалов по подготовке закона, отсутствует запрет обрезания мужчин. Схожая ситуация в Испании и Австрии. Во многих странах, например, в Польше и Голландии, вообще не урегулирован данный вопрос. Как ни странно, в Израиле и Турции тоже.

В России существует только региональный акт – Приказ Министерства здравоохранения Республики Татарстан от 26 мая 2010 г. № 641 «Об утверждении регионального стандарта «Технологии выполнения простой медицинской услуги А 16.21.013 «Обрезание». Данная процедура проводится взрослым и детям. Наряду с абсолютными медицинскими показаниями, основанием для обрезания является также добровольное волеизъявление родителей или желание гражданина следовать сложившимся национальным традициям или конфессиональной приверженности. При наличии медицинских противопоказаний, например, склонности к кровотечениям, операция не проводится.

Имеющееся в Татарстане регулирование разумно и дополнений не требует, а вот почему нет подобного в других регионах непонятно.

И вообще любопытно заметить, что Татарстан обогнал в плане прогрессивного правового мышления Германию, приняв данный акт уже в 2010 году.

Эта тема является отличным примером того, как могут накаляться страсти вокруг даже не столь крупных проблем медицинского права. Нет и никогда не будет единой правды для сторонников и противников обрезания, а юристам, как и по почти всем проблемам медицинско-правовой науки, остается лишь искать компромисс, пригодный для регулирования прав пациента и профилактики конфликтов в обществе. Дискуссии на эту тему продолжаются и до сих пор¹⁸.

¹⁴ www.spiegel.de/politik/deutschland/regierung-legt-gesetzesentwurf-zur-beschneidung-vor-a-859354 ; www.sueddeutsche.de/politik/gesetzesentwurf-zur-beschneidung-raus-aus-der-illigalitaet-1.487406 ; www.zeit.de/politik/deutschland/2012-10/beschneidung-gesetzesentwurf-einigung ; www.faz.net/aktuell/politik/inland/gesetzesentwurf-zur-beschneidung-gender-11916235

¹⁵ www.faz.net/aktuell/politik/inland/gesetz-zur-beschneidung-nicht-von-dieser-welt-11991531.html

¹⁶ www.bmj.de/shareddocs/Kurzmeldungen/DE/2012/20121212_Verabschiedung_des_Gesetzes_zu_Beschneidung.html

¹⁷ www.bundestag.de/dip21/btd/17/112/1711295.pdf

¹⁸ См., например: *Ренжиковски Й.* Уголовное право в мультинациональном обществе, Журнал Новой юридической Ежедельник

Вторым примером, как уже отмечалось, может служить дискуссия о возможности отказа от трансфузии, необходимой для сохранения жизни, приверженцами течения Свидетели Иеговы, которым их религия запрещает переливание крови. Для себя самого это не проблема, но вопрос о правомерности отказа встал, когда сектанты хотели отказать в трансфузии, необходимой для спасения жизни своему ребенку.

После столь же продолжительной и утомительной и главное излишней дискуссии (как и в случае с обрезанием) практика выработала для себя следующий путь: во многих больницах существуют письменные рекомендации по данному вопросу¹⁹. Они предписывают врачам уважать мнения сектантов и относиться к ним с пониманием, пытаться добиться хотя бы согласия на то, что трансфузия будет проведена помимо их воли, предлагать сохранение трансфузии в тайне от других членов секты итп. При отсутствии согласия врачи обязаны подключить органы опеки, так как жизнь ребенка находится в опасности, и с их согласия проводить процедуру²⁰; при отсутствии времени на подключение органов опеки врач вправе проводить процедуры немедленно, как и требует ситуация. С правовой точки зрения он находится в ситуации медицинского несчастного случая и обязан действовать на благо ребенку, сохраняя его жизнь и здоровье.

Во «Врачебной газете» (Ärzteblatt)²¹ указывается на то, что при больницах работают комитеты данной секты, следящие за предотвращением трансфузий и санкционирующие крайне жестоко поведение лиц, не следующих указаниям секты. Врачи призваны защищать пациентов от действий этого комитета и предотвращать, насколько возможно, его действия. Проблема в том, пишет Ханнс Рюдигер в данной заметке, что зачастую часть кадрового состава больницы также является членами секты, и руководство секты велит им доносить на пациентов, нарушая свой медицинский долг. Естественно, это подпадает под действие УК ФРГ (ст. 203), но пациенты все равно боятся доносов. Поэтому врачей призывают убеждать

пациента со ссылками на разногласия в самой секте при интерпретации Библии по данному поводу и постараться установить контакты с представителями реформистского течения Свидетелей Иеговы, выступающих за доступность трансфузий.

Врачей, которым, помимо своих прямых обязанностей, приходится заниматься еще и этим, можно только пожалеть так же, как и многих людей, уже умерших по причине отказа от трансфузии. Но, тем не менее, это необходимая дань праву пациента на самоопределение.

Однако в случаях, когда свидетели Иеговы, которым все-таки делали переливание крови, подавали в суд на врачей, желая получить компенсацию морального вреда, суды категорически отмечают наличие такового²²

Высказывается мнение, что в силу опасности взглядов этой секты для жизни ее последователей, ее стоит запретить. Учитывая количество жертв, с этим трудно не согласиться, но в данной статье этот конституционно-правовой вопрос рассмотрен быть не может. В иной статье он будет рассмотрен на фоне решения Страсбургского Суда против Москвы по делу о ликвидации в Москве данного образования²³.

Примером нанесения людьми заведомого вреда своему здоровью по рациональной причине может являться использование самых различных средств допинга. Согласно статье 1 Всемирного антидопингового кодекса допинг определяется как совершение одного или нескольких нарушений антидопинговых правил, приводимых в ст. 2.1 – 2.8 настоящего Кодекса. Статья 2 содержит подробное (на нескольких страницах) изложение возможных нарушений. Более общим, но кратким, является следующее определение: это средства и методы, которые должны привести тело спортсмена к даче более высоких результатов²⁴. Недостаток данного определения в том, что допинг уже давно встречается не только в спорте, но и в бытовой жизни: среди менеджеров, служащих, студентов. Но допинг в спорте (из-за перманентной медийной трансляции и связанных с этим экономических интересов) вызывает больший общественный резонанс. То, что допинг вреден для здоровья, известно как самим спортсменам, так и тренерскому, и медицинскому персоналу спортивных союзов, комитетов, клубов и команд. Тем не менее, им пользуются, поскольку, как

ник 2014, № 356, С.2539-2542 (Renzikowski: Strafrecht in einer multikulturellen Gesellschaft NJW. 2014. № 35S. S. 2539-2542); Татьяна Хорнле, Культура, религия, уголовное право . новой вызов плюралистического общества, Приложение к Новому Юридическому Еженедельнику № 2, 2014, С. 35-39 (Tajana Hörnle, Kultur, Religion, Strafrecht-Neue Herausforderung in pluralistische Gesellschaft, NJW-Beilage. Heft 2 2014 S. 35-39).

¹⁹ www.ethikberatung.uni-goettingen.de/pdfs/leitlinie_sa_zj.pdf; www.drk-kliniken-berlin.de/uploads/media/LL_ZJ_LL_01/pdf

²⁰ Решения: Высший Земельный Суд г.Мюнхен от 25.09.1975; Высший Земельный Суд г. Хамм от 10.10.1967; Высший Земельный Суд г. Целле 21.02.1994

²¹ www.aerzteblatt.de/archiv/30076

²² Решение Высшего Земельного Суда г. Мюнхен 31.01.2002 № 4705.98

²³ Решение Страсбургского Суда от 10.06.2010 – 302/02

²⁴ www.anwalt.de/rechtstipps/doping-die-rechthlichen-aspekte_000363.html

верно указывает М. Ивановский²⁵, последствия допинга не ограничиваются причинением вреда здоровью спортсменов. В последние десятилетия применение допинга приводило к смерти спортсменов как во время соревнований, так и по завершению их карьеры. Далее, это явление приводит к тому, что болельщики теряют интерес к затронутым допинговыми скандалами спортивным дисциплинам. Наконец, на фоне профессионализации спорта, что связано с оборотом финансовых средств, применение нечестных методов посягает и на финансовые интересы субъектов, занятых в спорте. Это означает, что допинг становится деянием, посягающим не только на принципы честного спортивного соревнования, но и на такие правовые блага как жизнь, здоровье, имущество, хозяйственный оборот. Поэтому государства, а также международные органы и ассоциации борются с данным явлением различными мерами. Сформирована практика проведения регулярных обследований (контроля) спортсменов во время тренировок, до и после соревнований. Естественно, проводится пропаганда и масса рекламных компаний за «чистый» спорт. В Кодексах спортивных объединений выработана система санкций, способная эффективно воздействовать на спортсменов: дисквалификация как лишение прав на участие в соревнованиях на определенный период, отмена титулов и наград, штрафы. Несмотря на эти суровые меры, которые, на первый взгляд, делают практически невозможным употребление допинга, его использование не прекращается. Уже складывается впечатление, что смотря, например, Олимпиаду, видишь не соревнования спортсменов, а соревнования химиков и фармацевтов соответствующих сборных. Право бежит за химией, а химия от него убегает: один из главных вопросов современного спорта, заключается в том, как изобрести вещество или способ допинга, который не заметят на контроле или который пока не запрещен.

Дисциплинарная ответственность, это замечают специалисты из самых разных стран, используется недостаточно. Ярким примером, приводимым М. Ивановским, является ситуация, когда органы польского футбольного союза не применяли дисциплинарной ответственности к коррупционерам. Государство и право реагируют на эти явления как всегда, традиционным образом: когда что-то выходит из-под их контроля и стоит при этом много денег: вводит уголовную ответственность или пытается расширить ее применение. Так, в Польше это воз-

можно в случае применения норм раздела XIX УК РП, охраняющих жизнь и здоровье (тогда ответственности подлежат лица, дающие допинг спортсменам), либо норм Закона о противодействии наркомании или законодательства об охране животных (если допинг дается животным), либо норм, пенализирующих мошенничество или коррупцию в хозяйственном обороте (ответственности подлежат участники соревнований, применяющие допинг). Тем не менее, практически любой вариант применения уголовной ответственности является весьма сложным, поэтому законодатель в статье 50 Закона от 25 июня 2010 г. о спорте предусмотрел два вида запрещенных деяний, служащих борьбе с явлением допинга в спорте. По части 1 этой статьи ответственности подлежит тот, кто несовершеннолетнему, участвующему либо готовящемуся к участию в спортивном соревновании, дает запрещенное вещество либо применяет по отношению к нему методы, запрещенные в смысле предписаний о борьбе с допингом в спорте. По части 2 ответственности подлежит лицо, которое без ведома лица, участвующего либо готовящегося к участию в спортивном соревновании, дает запрещенное вещество либо применяет по отношению к нему методы, запрещенные в смысле предписаний о борьбе с допингом в спорте. Санкции предусмотрены в виде штрафа, ограничения свободы либо лишения свободы на срок до двух лет.

Родовым объектом преступлений по статье 50 являются принципы спортивного соревнования. Непосредственным объектом являются жизнь и здоровье участников соревнования, а также права несовершеннолетнего спортсмена и свобода спортсмена, нарушаемая дачей ему допинга без его ведома. В польской уголовно-правовой и медицинско-правовой литературе считается, что оба вида деяний, запрещенных статьей 50, могут быть совершены общим субъектом, но на практике субъектами преступления признаются в основном врачи, сотрудничающие со спортсменами, которые готовятся к соревнованиям. В то же время специалисты подчеркивают, что нельзя полностью исключить ответственность других лиц, например, физиотерапевтов, тренеров и даже лиц, не связанных профессионально со спортом.

Как разъясняется в комментариях к данному запрету, участием в спортивном соревновании является такое участие, когда спортсмен в соперничестве, предметом которого являются любые формы физической активности, разово или регулярно влияют на изменение физических и психических показателей субъекта на развитие общественных отношений либо достижение спортивных результатов на любых

²⁵ См.: *Ивановский М.* Преступления допинга (ст. 50 Закона о спорте) // *Панство и право.* 2011. № 7-8 С. 102-112

уровнях. Лицом, участвующим в соревнованиях, является любой спортсмен, в том числе находящийся в резерве, который в данный момент участвует в соревнованиях. Поэтому первым признаком объективной стороны является допинг в процессе соревнований. Но в статье 50, на что правильно обращает внимание М. Иваньский, предусмотрена ответственность и за дачу допинга в процессе подготовки к участию в соревнованиях. Подготовка предполагает любые правовые и фактические действия, в том числе организацию выезда на соревнование, тренировки. Что касается запрещенных веществ, – пишет он, то следует указать, что употребление некоторых из них является противоправным исключительно во время соревнований, поэтому лицо, использующее допинг в отношении спортсмена, готовящегося к соревнованиям, окажется безнаказанным.

В отношении деяния по части 2 ст. 50, как отмечается в литературе, важное значение имеет признак «без ведома лица». Здесь речь идет об ошибке в субъективной стороне деяния спортсмена. По статье 5 часть 2 ответственность будет нести лицо, которое ввело спортсмена в заблуждение относительно определенных фактов, например, скажет ему, что в лекарстве содержатся разрешенные элементы диетического характера, но не допинг (отметим, что такого рода факты более чем часто встречаются на практике). Не будет нести ответственности лицо, которое вводит спортсмена в заблуждение относительно того, что предлагаемое ему вещество (или метод) не находится в списке запрещенных веществ или методов. Дачей вещества является любое действие, приводящее к его проникновению в организм. Вещество может быть дано в виде уколов, таблеток, напитков и т.п. Возникают вопросы о том, будет ли считаться дачей допинга, выражающейся в переливании крови либо допинга генетического, например, укол ДНК либо фальсификация пробы на допинг (путем замены пробы мочи). Понятие запрещенного вещества, а также методик, затрудняющих его обнаружение, определено в Международной Конвенции о борьбе с допингом в спорте. Как справедливо указывает М. Иваньский, польский законодатель фактически при формулировании норм статьи 43 Закона о спорте, содержащей соответствующие дефиниции, использовал эти определения. Список запрещенных веществ, перечень которых содержится в Приложении 1 к указанной Конвенции, и охватывает несколько десятков детально описанных и разделенных на категории химических

веществ. Их классификация выглядит следующим образом: 1) безусловно запрещенные вещества как во время соревнований, так и вне их; 2) вещества, запрещенные во время соревнований; 3) вещества, запрещенные в конкретном виде спорта. В этом же Приложении помещен перечень запрещенных методов. Все они запрещены безусловно – как во время соревнований, так и вне их. Они разделяются на три категории: 1) методы, улучшающие кислородный обмен в организме; 2) методы, улучшающие химический обмен; 3) генный допинг. Конвенция предусматривает возможность изменения обеих перечней.

В польской литературе подчеркивается еще один момент: стоит также обратить внимание на специальную клаузулу, приводящую к тому, что деяния, предусмотренные статьей 50, не будут признаны противоправными и, соответственно, наказуемыми. Во-первых, допингом в спорте не является поведение, если дача запрещенного вещества или применение запрещенного метода обосновано лечебными целями, а спортсмен получил согласие Комиссии по борьбе с допингом в спорте на их применение. Такое согласие оформляется особым документом – исключением в терапевтических целях. Но здесь следует учитывать, что указанная Комиссия не обладает соответствующей компетенцией в отношении всех спортсменов, а только тех, кто участвует в национальных соревнованиях. В отношении иных спортсменов процедура регулируется в Приложении 2 к Конвенции.

Преступления по статье 50 могут быть совершены только умышленно, причем деяния по части 2 только в форме непосредственного умысла.

М. Иваньский, далее, обращает внимание на конкуренцию норм статьи 50 с преступлениями против жизни и здоровья (параграф 1 ст. 148, ст. 155, параграфы 1,2,3 ст. 156, параграф 1,2,3 ст. 157, параграф 1 ст. 157а, но чаще всего – со статьей 160 параграфы 1,2,3 УК РП). Возможна конкуренция и с некоторыми другими нормами Уголовного кодекса, при этом в целом он высказывает мнение, что введение в польскую систему права новых видов запрещенных деяний, криминализующих допинг в спорте, можно оценивать позитивно, так как практика многих стран, в том числе и Польши, показывает: реальный шанс на преодоление таких негативных явлений, как коррупция и допинг, представляет только их криминализация, а тем самым – подключение к этой борьбе правоохранительных органов.

В Германии ситуация схожая. Использование допинга самим человеком не криминализовано, так как статья 223 и следующие УК ФРГ (нанесение телесных

повреждений) предполагают нанесение вреда одним лицом другому. Но тренеры, физиотерапевты, врачи, иной персонал и третьи лица могут быть привлечены по этим статьям к уголовной ответственности в случае передачи допинга спортсмену каким-либо способом. Если это действие повлекло за собой смерть спортсмена, применяется ст. 212 УК ФРГ (причинение смерти) или ст. 222 (причинение смерти по неосторожности) или 227 (нанесение телесных повреждений, повлекших смерть). Однако же, зачастую соответствующие действия не влекут за собой уголовной ответственности из-за имеющегося оправдательного обстоятельства – согласия спортсмена на применение допинга.

Так как в Германии уголовное право не кодифицировано в полном смысле этого слова и уголовно-правовые запреты с санкциями за их совершение содержатся в дополнительном (уголовно-хозяйственном, уголовно-экологическом и др.) законодательстве, то уголовно-правовые составы находятся также и в других нормативных актах, необходимо обратить внимание на параграф 6а Закона о лекарственных средствах, который запрещает использование лекарственных средств в качестве допинга в спортивном обороте, причем пенализирует как выписку, так и само применение их на других лицах. Нарушения данной нормы может повлечь применение санкции в виде лишения свободы на срок до трех лет. В случае, если допинг был применен по отношению к несовершеннолетнему лицу, – до десяти лет.

Сами спортсмены могут быть привлечены к ответственности по статье 263 УК ФРГ (обманные действия), если они путем изображения несоответствующих действительности фактов нанесли вред своим спонсорам и при этом получили какую-либо выгоду.

Совсем недавно Немецкий Союз Легкой Атлетики подал заявление на усиление уголовной ответственности в области допинга. Союз хочет добиться криминализации владения в том числе и мелким количеством допинговых субстанций, чтобы было легче преследовать использующих допинг спортсменов и персонал. Правовед из г. Эрланген, специалист в области спортивного уголовного права М. Ян в своем интервью в декабре 2012 года (www.stern.de/sport/sportwelt/mehr-strafrecht-keine-loesung-1938411.html) заявил, что считает данную инициативу, во-первых, ненужной, а во-вторых, неконституционной. Основной закон (Конституция ФРГ) запрещает наказывать кого бы то ни было за ведение рискованного образа жизни: она разрешает курить, употреблять алкоголь и в принципе в свободное время применять на себе допинг. С процессуальной точки зрения, указывает он, эта криминализация тоже была бы бесполезной. Верховные Суды

многократно не давали прокурорам разрешения на обыск, прослушивание и другие подобные меры, если можно было ожидать найти наркотические средства для самоиспользования и не более. Соответственно, и в случаях, когда будут пытаться найти у спортсменов допинговые препараты для себя, суды также не выдают никакого ордера. К тому же М. Ян указывает на то, что уже существующее уголовное право в области допинга используется хорошо.

Недовольство допинговым правом уже возникало и ранее, например, в ноябре 2000 г. это ярко проявилось на заседании симпозиума «Спорт и право», президент Немецкого Союза легкой атлетики Дигель заявил, что юристы империалистски захватывают всю систему спорта, а на международном уровне все решается по принципу самодурства. Адвокат немецких знаменитых спортсменов Катрин Краббе и Дитера Бауманна Райнхард Раубалл высказывает мнение, что происходящее в допинговых процессах не могут понять уже даже юристы.

В России допинг представляет собой также огромную проблему, которая в основном замалчивается несмотря на периодически возникающие скандалы и лишение российских спортсменов медалей, их дисквалификацию и т.п. соответствующими международными спортивными организациями. Тем более, анализ прав спортсменов в этой связи необходим, как и в целом развитие основ спортивного права – новой комплексной отрасли, формируемой с использованием норм не только медицинского и уголовного, но и гражданского, трудового, конституционного, административного и иных отраслей права²⁶. Ряд работ уже доступен и практикам, и ученым, и студентам. Но это только начало, и поле деятельности (обширное даже в связи с рассмотренными выше в сравнительно-правовом аспекте проблемами уголовной ответственности за применение/использование допинга) представляется безграничным. Трудно и в данном случае понять позицию представителей науки, которые не желают признавать самостоятельности (а фактически права на существование) медицинского или спортивного права и, тем самым, ограничивают не только объем и направления научных исследований в соответствующих областях, но и реакцию практики на нарушения закона, хотя количество актов (и норм) в указанных сферах растет «не по дням, а по часам».

²⁶ Об этом ставили вопрос еще академик Б.Н. Топорнин, планировавший создать в возглавляемом им Институте государства и права РАН специальный сектор спортивного права, и его заместитель профессор Ю.Л. Шульженко.

В заключение хотелось бы отметить, что российской науке предстоит выработать систему принципов и юридических норм, регулирующих ситуации нестандартного обращения пациентов со своим здоровьем и телом. Приведенные примеры только верхушка айсберга, просто хорошо

иллюстрирующая проблему. Регулирование данной материи во многих странах сумбурно. Это связано с ее комплексностью и этической подноготной. Тем не менее, систематизация, юридизация и дополнение правового регулирования необходимы.

Библиография:

1. Ивановский М. Преступления допинга (ст. 50 Закона о спорте) // Панство и право. 2011. № 7-8 С. 102-112
2. Renzikowski: Strafrecht in einer multikulturellen Gesellschaft NJW. 2014. № 35S. S. 2539-2542
3. Tatjana Hörnle, Kultur, Religion, Strafrecht-Neue Herausforderung in pluralistische Gesellschaft, NJW-Beilage. Heft 2 2014 S. 35-39
4. Rolf Dietrich Herzberg «Steht dem biblischen Gebot der Beschneidung ein rechtliches Verbot entgegen?» in Medizinrecht, 2012-3, S. 169-175
5. Matthias Drobinski, SZ 26.06.2012 “Wenn die Richter zu Schiedsrichtern der Religion werden”

References (transliterated):

1. Ivan'skii M. Prestupleniya dopinga (st. 50 Zakona o sporte) // Pan'stvo i pravo. 2011. № 7-8 S. 102-112
2. Renzikowski: Strafrecht in einer multikulturellen Gesellschaft NJW. 2014. № 35S. S. 2539-2542
3. Tatjana Hörnle, Kultur, Religion, Strafrecht-Neue Herausforderung in pluralistische Gesellschaft, NJW-Beilage. Heft 2 2014 S. 35-39
4. Rolf Dietrich Herzberg «Steht dem biblischen Gebot der Beschneidung ein rechtliches Verbot entgegen?» in Medizinrecht, 2012-3, S. 169-175
5. Matthias Drobinski, SZ 26.06.2012 “Wenn die Richter zu Schiedsrichtern der Religion werden”